

> ТРАДИЦИЯ

Надышались
разнотравьем

ЕСТЬ у благотворительного общественного фонда «Металлург» хорошая традиция – приглашать на загородные выезды нас, инвалидов труда, состоящих у него на учете.

На днях состоялась такая поездка в «Горное ущелье» и на Банное. Погода не баловала, но нам предоставили комфортабельный автобус, так что от ее капризов мы не зависели. Организатор – инспектор Ирина Портнова – хорошо продумала маршрут: мы ожидали автобус каждый вблизи своего дома.

По приезде устроились у ручья, погуляли по лесу, надышались запахами разнотравья. Узнали от Александры Каляминой о лечебном действии кровохлебки – многие прежде и не подозревали, что это столь ценная для здоровья трава. Потом уселись за стол. Оказалось, кто-то забыл прихватить чай, кто-то и вовсе оставил дома кошелек с провизией, но им не дали расстроиться: стол, как обычно, был общий, благодаря осени – богатый. Среди фирменных блюд были оладушки из фарша с картофелем и жареным лучком. После обеда пели, вспоминали. Потом еще прокатились на Банное, не искупались, но руки помочили.

Будем ждать следующего сезона, чтобы прокатиться за город по теплу. Спасибо благотворительному фонду, что дает нам возможность вырваться из города.

ЗАКИЯ ГАЛИХАНОВА,
АННА БУТКЕВИЧ,
ТАИСИЯ РАЧИЛИНА,
АЛЕКСАНДРА КАЛЯМИНА,
МАРИЯ ШАРАНОВА

> БЛАГОДАРНОСТЬ

Низкий вам
поклон

НЕ СЕКРЕТ, в больницах и поликлиниках отношение медицинского персонала к пациентам иногда оставляет желать лучшего. Поэтому не люблю бывать там без особой надобности.

Однако жизнь есть жизнь. Предстояло делать операцию по замене хрусталика. Посчастливилось оперироваться в офтальмологическом отделении АНО «МСЧ АГ и ОАО «ММК», которое возглавляет Елена Геральдовна Григорьева – знающий, чуткий, деликатный человек и высококлассный специалист. Персонал отделения равняется на нее, врачи и медсестры – внимательные и отзывчивые профессионалы.

Низкий вам поклон! Уверена, к моим словам присоединятся и другие пациенты отделения.

НАИЛЯ ИШАЛИНА,
слесарь
КИП ОАО «ММК-МЕТИЗ»

Такой Митрофаныч –
на комбинате один

> Он всю жизнь упорствовал для того, чтобы изменить что-то к лучшему

КОГДА В РАЗГОВОРЕ о нем переспрашивают: «Какой Митрофаныч? – отвечают: «Тот самый. Он такой на комбинате один». Пока работал – его за глаза называли партизаном, в личном деле – под сотню выговоров. А сам Александр Зиновьев не отрекается ни от одного своего поступка, даже когда действовал невыгодно для себя. Такой он упертый. Да и производственные отношения никак не сведешь к безразличному исполнению инструкций.

Он всегда был упрямым. В отрочестве объявил матери – вдове-солдатке: «Знаю, тебе с нами трудно. Но учиться буду». Понимал, что отъездом в Фершампенуаз, где была десятилетка, оголяет тылы – на матери с сестрами крестьянское хозяйство, и на каникулах накашивал травы для домашней животинки. С одиннадцати лет нанимался совхозным косильщиком, объезжал и обучал лошадей, чтобы заработать. До сих пор помнит свою первую лошадку – трижды скидывала, прежде чем покорилась. И другую помнит, за которую ответственность на людях, и на нем тоже: кони дернулись, и лошади косилкой отрезало ногу. Ее почти сразу пустили под нож, а пока все решалось она, уже обреченная, стояла на трех ногах и жевала траву. Всю жизнь перед глазами.

В школе он был старостой общежития: под сорок учеников в трех комнатах. Все были уверены: быть ему на селе большим человеком. «Фершанская» школа на слуху – Зиновьевский выпуск не пропускает ни одной юбилейной встречи, так что Александр Митрофанович знает: одноклассники вышли кто в первые секретари райкома, кто в главврачи, кто в главные агрономы. А он тогда уперся: стану металлургом – профессия гремела.

Когда учился в Магнитогорском индустриальном техникуме, единственный из одноклассников получал зарплату – работал сварщиком, потом вальцовщиком. После дипломирования попал на Ашинский металлургический завод – и сразу на «чертов понедельник». Позже рассказывал об этой практике в Магнитке – даже на домне, где знали, почему фунт лиха, не верили. «Чертов день» – каждый понедельник останавливают печь, через пять часов из нее, еще не остывшей от тысячи двухсот градусов, выгребают нагар из пода, через восемь – с кладки, а свод еще красный...

Выходит Зиновьев в свою первую смену, здоровается с бригадой, а они, кержаки, молчат. Так же молча поднимаются и приступают к работе: вырубает нарост шлака в подине. Рубят его на чушки этак двести на двести, чтобы можно было снаружи поддеть и вытащить лебедкой. Они падают у ног раскаленные. Зиновьев работает с бригадой час, другой. Он хоть и спортсмен, боксер, а в глазах уже темнеет. Но краем глаза видит, что

в бригаде что-то не то: мужики меняются, а он без смены. Наконец один не выдерживает, бросает рукавицы: «Твою мать, мы тут все из-за тебя подохнем». Оказалось, его испытывали. Продержался он два с половиной часа – вот тогда его приняли. «Ты себя побереги – с таким-то характером, – посоветовали. – Мы на этой адской работе каждые полчаса отдыхаем».

Позже Александр Зиновьев стал главным вырубщиком. Раз было: попалась глыба – не могут разбить ломиками, надо изнутри поддеть. А еще только часа четыре, как печь остановили. Полез Зиновьев внутрь, поначалу казалось – упадет там замертво, но как-то продышался, стал бить кувалдой, раскол, выкинул обломки, вылез – а одежда уже горит. Работал так девять месяцев, за бригадира был, да попала, как говорится, вожжа под хвост. В такой вот «чертов понедельник» только отползли бригадой от печи чуть живые – идет мастер. Зиновьев возьми да и предскажи: «Щас подойдет: «Чего сидите, не работаете?» Так и вышло. Все в хохот. Мастер – жаловаться: решил, что парень в его адрес что-то нелестное сказал. Вызвали Зиновьева на ковер. Он: «Не пугайте, увольняюсь». Из-за такой малости? Убеждали одуматься: прочили мастером печей. Но он уже все решил:

чувствовал нехватку образования, хотел поступить в горный.

Сначала отслужил, а после сделал попытку – тогда только еще вводили льготы для отслуживших при поступлении в вуз. Но опоздал к экзаменационному марафону своего потока, а ждать не мог – жить в чужом городе было не на что. Как ни убеждал позволить ему сдавать экзамены с другими группами – комиссия ни в какую. Дошел до дека-

на. Тот: «Уже час, как очередной экзамен идет». – «Мне хватит времени». – «Да кто тебе разрешит?!» – «Вы». И правда, разрешил такому нарпистому. Выдали чернильницу, наши перо, написал сочинение сразу начисто. И каждый день сдавал по экзамену. Запомнился старый физик Корж, у него советовали не сдавать, поехать к другому экзаменатору – вьедливый. А Зиновьев задачу решил тремя вариантами. Но на вопрос: «В чем плаваешь?» сам перечислил темы. Получил вместо пятерки четверку, зато честную, свою.

А работать – само собой, на комбинат. В четвертом листопрокате начальник стана Сергей Леонтьев сам распределял новичков: подымишь двухпудовую гиру – тебе в сварщики-нагревательщики, не осилишь – в вальцовщики. Зиновьев после своих «чертовых понедельников» все десять раз отжал. И еще

тринадцать лет «выжимал вес» для цеха: сначала в нагревательщиках, потом в мастерах печей. Мастером печей по всему комбинату вместе с ним только трое было, и только он с высшим образованием. Работа адова: огромная ответственность за плавку. Через пять лет он сам на себя написал распоряжение о переводе в вальцовщики. Отпустили с боем, и только при условии, что при авариях и отпусках мастеров будет их замещать. Он – тоже со своими требованиями: в качестве вальцовщика позволить освоить все участки – черновые и чистовые группы клетей, моталки и агрегаты резки. Рассчитывал на дальнейший рост – уйти в начальники смены. Договаривались на год, а привязали его к клетке на два. Производство – кипучий котел, где варятся опыт и рабочие задачи, карьерные амбиции и потребность в специалистах.

Из вальцовщиков Александр Митрофанович все же стал начальником смены. Отработал в двух бригадах, вывел их поочередно в соревновании на первое место и – сменил службу. Катализатором ухода стала советская распределительная система, где причастность к недоступному для большинства уже была наградой, а право распоряжаться этим давало неограниченную власть. Шесть раз командировали работать за границу, и шесть раз начальник цеха не отпускал. Что ж, может так нужен на месте. И Зиновьев примирялся. Но когда талон на автомобиль отдали проработавшему шесть лет, обидя Зиновьева с его тринадцатью огневыми и знанием всех цеховых агрегатов – вспикел. Сегодня эти мотивы, может, и непонятны, а в советскую пору на машину, как на квартиру, всю жизнь работали, подолгу ее ждали и всю жизнь одной пользовались.

Одной из последних вешек в трудовой комбинатской биографии Александра Митрофановича стал цех благоустройства. На дворе – разгар перестройки, а цех под руководством Зиновьева расширяет парк техники с полутора десятка единиц до сотни. До середины девяностых удавалось поднимать рабочим зарплату, за семь лет треть работников получила жилье. Как всем руководителям в ту пору, не раз случалось Александру Митрофановичу выступать посредником бартера: комбинат Челябинскому заводу дорожно-строительных машин имени Колющенко поставляет металл – навстречу идет техника для цеха благоустройства.

В шестьдесят Александр Зиновьев фирму открыл – «Благоустроитель». Не всякий молодой рискнет. Приобрел незавидный дачный участок на Банном – болотистый. Знакомые с сомнением качали головами, а он осушил и обустроил – не скажешь, что на месте дома, сада и дорожек была топь. Да и теперь на месте не сидит: плотничает, вырезает из коряг, обустроивает пространство. Но сейчас у Александра Митрофановича задачи поважнее. Найти бы место гибели и захоронения отца – защитника Ленинграда, павшего на Сиявинских высотах. И еще задача: стать центром притяжения большой семьи. Для чего всю жизнь упорствовал, если не для того, чтобы что-то в ней изменить к лучшему? ☺

МАРИЯ АНАШКЕВИЧ